

тамъ «большого свѣта». Всѣ они отличаются со стороны высшаго къ низшему—величаво или лукаво насмѣшливымъ взглядомъ; а со стороны низшаго къ высшему—досадой обиженного самолюбія, впрочемъ, утѣшающаго себя тѣмъ, что и мы-де не отстанемъ отъ другихъ и стоимъ за себя въ хорошемъ тонѣ. Хорошій тонъ это—точка помѣшательства для петербургскаго жителя. Послѣдній чиновникъ, получающій не болѣе семисотъ рублей жалованья, ради хорошаго тона отпускаетъ при случаѣ искаженную французскую фразу—единственную, какую удалось ему затвердить изъ «Самочучителя»; изъ хорошаго тона онъ одѣвается всегда у порядочнаго портного и носить на рукахъ хотя и засаленныя, но желтыя перчатки. Дѣвицы даже низшихъ классовъ ужасно любятъ ввернуть въ безграмотной русской запискѣ безграмотную французскую фразу, — и если вамъ понадобится писать къ такой дѣвицѣ, то ничѣмъ вы ей такъ не польстите, какъ смѣшеніемъ нижегородскаго съ французскимъ: этимъ вы ей покажете, что считаете ее дѣвицей образованной и «хорошаго тона». Любятъ онѣ также и стишки, особенно изъ водеvilныхъ куплетовъ; но нѣкоторые возвышаются своимъ вкусомъ даже до поэзіи Бенедиктова, — и это дѣвицы самыхъ аристократическихъ, самыхъ бонтоныхъ круговъ чиновническаго сословія. Видите ли: Петербургъ во всемъ себя вѣрентъ; онъ стремится къ высшей формѣ общественнаго быта... Не такова въ этомъ отношеніи Москва. Въ ней даже большой свѣтъ имѣетъ свой особенный характеръ. Но кто не принадлежитъ къ нему, тотъ о немъ и не заботится, будучи весь погруженъ въ сферу собственнаго сословія.

Ядро коренного московскаго народонаселенія составляетъ купечество. Девять десятыхъ этого многочисленнаго сословія носятъ православную, отъ предковъ завѣщанную бороду, длиннополый сюртукъ синяго сукна и ботфорты съ кисточкой, скрывающіе въ себѣ оконечности плисовыхъ или суконныхъ брюкъ; одна десятая позволяетъ себѣ брить бороду и, по одеждѣ, по образу жизни, вообще во внѣшности, походить на разночинцевъ и даже дворянъ средней руки. Сколько старинныхъ вельможескихъ домовъ перешло теперь въ собственность купечества! И вообще эти огромныя зданія, памятники уже отжившихъ свой вѣкъ нравовъ и обычаевъ, почти всѣ безъ исключенія превратились или въ казенныя учебныя заведенія, или, какъ мы уже сказали, поступили въ собственность богатаго купечества. Какъ расположилось и какъ живетъ въ этихъ палатахъ и дворцахъ «поштенное» купечество, — объ этомъ любопытные могутъ

справиться между прочимъ въ повѣсти Вельтмана «Пріѣзжій изъ уѣзда, или суматоха въ столицѣ». Но не въ однихъ княжескихъ и графскихъ палатахъ, — хороши также эти купцы и въ дорогихъ каретахъ и коляскахъ, которыя вихремъ несутся на превосходныхъ лошадяхъ, блистающихъ самой дорогой сбруей: въ экипажѣ сидитъ «поштенная» и весьма довольная собой борода; возлѣ нея помѣщается плотная и объемистая масса ея дражайшей половины, разбѣленная, разрумяненная, обремененная жемчугами, иногда съ платкомъ на головѣ и съ косичками отъ висковъ, но чаще въ шляпкѣ съ перьями (прекрасный полъ даже и въ купечествѣ далеко обогналъ мужчинъ на пути европеизма!), а на заняткахъ стоитъ сидѣлецъ въ длиннополomъ жидовскомъ сюртукѣ, въ рыжихъ сапогахъ съ кисточками, пуховой шляпѣ и въ зеленыхъ перчаткахъ... Проходящіе мимо купцы средней руки и мѣщане съ удовольствіемъ пощолкиваютъ языкомъ, смотря на лихихъ коней, и гордо приговариваютъ: «Вишь, какъ наши-то!», а дворяне, смотря изъ оконъ, съ досадой думаютъ: «мужикъ проклятый, развалился, какъ и Богъ знаетъ кто!»... Для русскаго купца, особенно москвича, толстая статистая лошадь и толстая статистая жена — первыя блага въ жизни... Въ Москвѣ повсюду встрѣчаютъ вы купцовъ, и все показываетъ вамъ, что Москва по преимуществу городъ купческаго сословія. Ими населенъ Китай-городъ; они исключительно завладѣли Замоскворѣчьемъ, и ими же кипятъ даже самыя аристократическія улицы и мѣста въ Москвѣ, каковы—Тверская, Тверской бульваръ, Пречистенка, Остоженка, Арбатская, Поварская, Мясницкая и другія улицы. Базисомъ этому многочисленному сословію въ Москвѣ служитъ еще многочисленнѣйшее сословіе: это—мѣщанство, которое создало себѣ какой-то особенный костюмъ изъ національнаго русскаго и изъ басурманскаго нѣмецкаго, гдѣ неизбежно красуются зеленныя перчатки, пуховая шляпа или картузъ такого устройства, въ которомъ равно изуродованы и опошлены и русскій, и иностранный типы головной мужской одежды; выростковые сапоги, въ которыхъ прячутся нанковые или суконные птанишки; сверху что-то среднее между долгополымъ жидовскимъ сюртукомъ и кучерскимъ кафтаномъ; красная александрійская или ситцевая рубаха съ косымъ воротомъ, а на шеѣ грязный пестрый платокъ. Прекрасная половина этого сословія представляетъ своимъ костюмомъ такое же дикое смѣшеніе русскаго и европейскаго: мѣщанки ходятъ большей частью (кромѣ ужъ самыхъ бѣдныхъ) въ платьяхъ и шляхахъ порядочныхъ жи-